

умер Расул Гамзатов

Фотограф: Сергей Пономарев / Газета

**Фазиль Искандер,
писатель: «у него
была огромная армия
почитателей, и среди них
много женщин»**

Я не относился к числу его друзей, поскольку он поэт старшего поколения, но мы были хорошо знакомы и, думаю, с взаимной симпатией относились друг к другу. Мы время от времени встречались, шутили, смеялись, разговаривали. Одно время он очень много печатался, и я при встрече с ним пошутил: Его сиятельство Расул Издательства раздел-разул. Он ответил: «Еще не совсем».

У нас были шуточные моменты. О Гамзатове можно сказать, что он счастливой судьбы поэт, но были и драматические моменты в его творчестве. Им были недовольны одно время за стихи о Шамиле. Ему это было нелегко пережить. Вообще же он был поэт гармоничной судьбы и гармонично завершил долгий поэтический путь. В России его любили и читали не меньше, чем в родном Дагестане. У него очень красивые лиричные стихи. Часто с юмором. Они просты и доступны. У него была огромная армия почитателей, и среди них много женщин. Он написал великую песню «Журавли», где обессмертил погибших на войне солдат.

**Белла Ахмадулина,
поэтесса: «ему хотелось
сделать больше,
но не всегда это выходило»**

Я хорошо помню, как однажды в Доме литераторов кто-то пытался грубо обидеть поэта. Я имею в виду Бориса Пастернака. Когда на него нападали, Расул отважно и бесечно, с юмором, но очень мужественно его защищал. Гамзатову попало потом, конечно. Не сильно, но попало. Но у него сработало присутствие совести. Это важно... Он и за других заступался. За Семёна Липкина, например. Не только он так поступал, но его было заметно. Правда, это небольшие поступки, небольшие подвиги, но они засчитываются человеку. И все кончалось довольно благополучно. Он был очень игрив умом, игрив языком, ему хотелось сделать больше, но не всегда это выходило.

с властями. Он был одним из немногих «выездных» литераторов, путешествовал много и с удовольствием, беседовал с Фиделем Кастро и Индирой Ганди. Он был своего рода воплощением советского интернационализма, но одновременно и национальной самобытности — кавказского темперамента, страсти, веселья, застольного юмора. Собственно говоря, это было возможно благодаря статусу национального поэта, и это же позволяло Гамзатову избежать советского официоза. В его поэзии всегда существовала человеческая составляющая. Он не стеснялся быть аполитичным и восторженным в любовной лирике, но в то же время в его патриотических стихах излишняя торжественность смягчалась камерными интонациями любовной лирики. Сам Гамзатов, определяя главные темы своего творчества, говорил, что в принципе все, что он написал, посвящено Родине и Женщине.

◀ 01 СТР

Поэзия, можно сказать, перешла к Гамзатову по наследству. Его отец — классик поэзии Дагестана Гамзат Цадаев. Неудивительно, что, по собственному признанию Гамзатова, первое стихотворение он написал в одиннадцать лет. В дом часто приезжали Луговской, Твардовский, Гроссман, Казакевич, Крон, Михалков и многие другие советские писатели. Так что учеба в Литературном институте была вполне закономерной. Известность к Гамзатову пришла довольно быстро. Его стихи печатал «Новый мир», его переводили Семен Липкин, Яков Козловский, Юнна Мориц, Андрей Вознесенский, он был собеседником Симонова, Шолохова, Фадеева. Гамзатов не просто приобрел признание и литературные чины, не просто стал олицетворением дагестанской поэзии, лирики, написанной на аварском языке, — но по существу был едва ли не символом национальной, то есть не русскоязычной, поэзии вообще. А переводчики делали Гамзатова фактом русского поэтического творчества. Он написал очень много: лирические сборники, поэмы, пьесы. Песни на его стихи постоянно звучали с эстрады, а знаменитые «Журавли», с их проникновенно-метафорическим воспеванием памяти о погибших солдатах, стали своего рода советским эстрадным реквиемом. Гамзатов — если не считать мелких конфликтов — не ссорился